

КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ В КАРТИНЕ МИРА СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЭТОВ БЕЛАРУСИ

Лавшук Оксана Анатольевна

доцент кафедры литературы и межкультурных коммуникаций
учреждения образования “Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова”; кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)

Сегодня филология на качественно новом уровне исследует национальное своеобразие литератур. Особенно актуальными признаются такие вопросы, как «этнический менталитет», «этническая самобытность» и «вербальное выражение менталитета в этнокультуре». Чтобы разобраться в этих проблемах, требуется описание этнического менталитета в рамках парадигм разных наук, в том числе и литературоведения.

В каждой национальной культуре можно обнаружить специфические черты, которые играют особо важную роль в формировании национального характера и национального менталитета. Такие черты являются культурно-этническими доминантами, которые и формируют национальный образ мира. В творчестве того или иного писателя национальный образ мира может проявляться в разном объеме. Он может обнаруживать себя в виде отдельных мотивов и образов или многочленных цепочек. Мотивы и образы, обладающие национально-культурной спецификой, в художественном мире отдельного автора могут быть фундаментальными, структурообразующими, а могут – периферийными, и в различных текстах их доминанты выражаются по-разному. Образы культуры являются значимым средством национально-культурной идентификации писателей [см. об этом 1]. Выявляя этнокультурную специфику восприятия этих образов, мы можем описать национальный образ мира русскоязычных поэтов Беларуси.

В качестве материала для изучения ключевых образов культуры и их роли в формировании картины мира современных русскоязычных авторов Беларуси выбраны художественные произведения русскоязычных поэтов, размещенные, в основном, в составленной А. Аврутиным в 2003 году антологии «Современная русская поэзия Беларуси», которая является первой в отечественном литературоведении попыткой максимально широко представить творчество современных русских поэтов Беларуси.

Поэтическая модель мира обладает универсальными свойствами, одновременно раскрывая особенности национального менталитета и культуры

и обнаруживая индивидуально-авторские способы интерпретации образов окружающей действительности в текстовом пространстве. Для современных русскоязычных поэтов Беларуси характерно почтительное обращение к русской поэтической традиции как к знаковому наследию богатой русской культуры, поэтому одним из важных фрагментов их картины мира, который получает наиболее явное отражение в системе поэтических ориентиров, культурных установок, являются образы русских поэтов и писателей. В круг тем, наиболее важных для осмысления белорусскими авторами, входит, главным образом, русская классическая литература золотого и серебряного века. Это положение подтверждается:

1) названиями или первыми строками поэтических произведений: «Александр Сергеевич Пушкин...» И. Поглазова [2, с. 128], «Блок» М. Шелехова [2, с. 186], «Надгробье Анны Ахматовой» К. Михеева [2, с. 107], «Цветаева!..» Е. Каменевой [2, с. 78], «Памяти Александра Твардовского» Ф. Ефимова [2, с. 65];

2) упоминанием прецедентного имени в тексте: А. Пушкин, И. Бродский («У меня специальности нет...» Е. Казанцевой) [2, с. 78], А. Фет («Мне нравится этот поэт...» Д. Симановича) [2, с. 144], А. Блок («Всю ночь скрипело по бумаге...» В. Деркача) [2, с. 53], Ф. Тютчев, И. Тургенев («Не для славы, не для денег...» Г. Трестмана) [2, с. 165], Ф. Достоевский («Что там в Питере? Дождь, вероятно...» Т. Лейко) [2, с. 95], С. Есенин («Заблудилась в весне» Э. Равич) [2, с. 134]. Привлекают внимание авторские новообразования, построенные на обыгрывании значимых имен собственных: *И спасёт от душевной измены / Достоевская желтая муть* («Что там в Питере? Дождь, вероятно...» Т. Лейко) [2, с. 95], *Не для славы, не для денег – для искусства одного / правил Тютчева Тургенев, / отургенивал его* («Не для славы, не для денег...» Г. Трестмана) [2, с. 165];

3) указанием на прецедентное имя через посвящение, эпиграф, название художественных произведений или имена героев произведений русских авторов: стихотворение «Осеннею веткой раскинулись рельсы...» И. Поглазова посвящено Б. Пастернаку [2, с. 128], «Путник» Э. Прибыльской – Н. Рубцову [2, с. 133], памяти А. Введенского посвящена «Баллада о безымянном конвоире» В. Чернявского [2, с. 179–183]; цитаты из произведений А. Фета являются эпиграфами к стихотворениям «Любимая» А. Мельникова [2, с. 104], «В марте» В. Спринчана [2, с. 152]; в стихотворении «Рудин» Л. Турбиной описываются «лишние русские люди», и главным среди них признается Рудин, а не Онегин, Печорин, Обломов [2, с. 168], в стихотворении «Осень в провинции» К. Михеева упоминается Иван Карамазов [2, с. 106] (отсылка к И. Тургеневу, А. Пушкину, М. Лермонтову, И. Гончарову, Ф. Достоевскому);

4) эксплицитными положительно окрашенными оценочными суждениями белорусских авторов о ярких представителях русской литературы и их

творчестве: *Поймите наконец: на Черной речке / Ведь он ее под пулей оправдал!* («Наташе Гончаровой» Ю. Сапожкова) [2, с. 138], *«Скифы» Блока – вот моя ценность* («Кто это? Кто это?! Кто это?! Я?!») А. Занковец [2, с. 77], *Этой тронной выси / ...ах, не превысить!* («Цветаева!») Е. Каменевой [2, с. 79], *... Великий поэт и высокий подъем* (о Б. Пастернаке) («Осеннюю веткой раскинулись рельсы...») И. Поглазова [2, с. 128]; *Я неправильный русский поэт, / и душа у меня не на месте. / Я не знаю, кто правильным был. / Может, Пушкин, да питерский Бродский* («У меня специальности нет...») Е. Казанцевой [2, с. 78]. На протяжении всего стихотворения с помощью глагольных форм в сослагательном наклонении обыгрывается ситуация «свидания» лирической героини с обоими поэтами. Характерно, что в заключительных строках речь идет об извечном желании любого поэта оставить после себя «памятник нерукотворный», что возможно только после высочайшего «благословения»: *Если песня моя не умрет – / это Пушкин меня обнимает* [2, с. 78];

5) сознательными или неосознанными реминисценциями: ср. *Дым Отечества горек и едок* («Я настолько горбат...») А. Аврутина [2, с. 10] и *Отечества и дым нам сладок и приятен* («Арфа» Г. Державина, «Горе от ума» А. Грибоедова, «И дым отечества нам сладок и приятен...») Ф. Тютчева); *Когда вся жизнь вот так проходит – / Приходят воля и покой* («Уйдя от всякого соблазна...») В. Бобрикова [2, с. 34] и *На свете счастья нет, но есть покой и воля* («Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит...») А. Пушкина); *И там, под голубыми небесами...* («Город» В. Лазаревой) [2, с. 91] и *Под голубыми небесами / Великолепными коврами / Блестя на солнце, снег лежит...* («Зимнее утро» А. Пушкина); *Мой голос слаб, мне не перекричать...* («Гимн» М. Володина) [2, с. 43] и *Слаб голос мой, но воля не слабеет...* (одноимённое стихотворение А. Ахматовой); *Я просто научилась жить...* («Я больше не боюсь грешить...») А. Красовской [2, с. 87] и *Я научилась просто, мудро жить...* (одноимённое стихотворение А. Ахматовой).

На фоне выдвижения на первый план русской культуры наблюдаются немногочисленные вкрапления белорусских прецедентных для литературы имен: Я. Колас (эпиграф к стихотворению «Прощай, прощай, Высокий берег...») Ю. Богданова [2, с. 34], В. Короткевич – в стихотворении «Мне нравятся Владимиры Семенычи!» А. Сарапкина (следует отметить, что данный текст содержит двойное посвящение «Памяти В.С. Короткевича и В.С. Высоцкого, в судьбах которых было немало общего») [2, с. 141], чаще встречаются посвящения поэтам-современникам: А. Аврутину («Я больше не могу молчать...») А. Павловской [2, с. 124], Л. Шелег («Это всё было правда...») А. Павловской [2, с. 124], В. Айзенштадту («я как огонь вошёл в круг обнаженных женщин...») Д. Строчева [2, с. 155].

Такая неравномерная представленность элементов русской и белорусской литературной традиции в исследуемых текстах связана, на наш взгляд, с тем, что сами тексты созданы на русском языке, а следовательно, вполне логично и правомерно их соотносить с ключевыми образами и наивысшими достижениями именно русской культуры.

Еще более скромно представлены имена зарубежных писателей: в стихотворении «Письма» С. Евсеевой упоминается О. Бальзак [2, с. 61], в эпиграфе стихотворения «Гончар» А. Черной используются цитаты из произведений О. Хайяма, в стихотворении «Блок» М. Шелехова [2, с. 186] имеется отсылка к У. Шекспиру, но не целенаправленная, а опосредованная блоковским восприятием трагедии «Гамлет»: ср. переключку строк *Тебя, Офелию мою, / Увел далеко жизни холод...* («Я – Гамлет. Холодеет кровь...» А. Блока) и *... на бледном стебле гиблых вод, / как недоношенный ребенок, / сестра Офелия плывет!* («Блок» М. Шелехова) [2, с. 186].

Широкий состав средств и способов лексической экспликации образов русских поэтов в исследуемых поэтических текстах позволяет говорить о значимости русской культуры в поэтической картине мира современных белорусских авторов, доказывает их преимущественную ориентированность на русскую художественную и национальную традицию.

Наряду с филологическим вертикальным контекстом (отсылки к именам «художников слова») в исследуемых текстах выявляется богатый социально-исторический контекст (отсылки к именам известнейших людей, например, политических лидеров, к широко известным топонимам, историческим событиям и др.). Даже названия многих стихотворений свидетельствуют о доминировании «чужих» культурных знаков над собственно белорусскими: «Век восемнадцатый. Россия», «Россия. Ночь. Змеящаяся трасса...», «Русь», «Петербург, Петроград, Ленинград...», «Я из Арзгира...», «Нерон», «Парижская осень», «Париж», «Варшавская осень», «Краков», «Итальянское каприччо», «Джоконда в Копенгагене».

В отличие от имен белорусских писателей и поэтов белорусские топонимы (Беларусь, Минск, Витебск, Гродно, Грушевка, Холопеничи), гидронимы (Березина, Свислочь, Днепр) все-таки встречаются не только в самих текстах, но и в сильной позиции названия произведения («По Березине», «Дождливый день. Гродно», «Зеркало Свислочи», «Заснувшие поставские озера...»). Характерными приметам стремления некоторых авторов обозначить свою национальную принадлежность можно считать обращение к национальным символам, например, к одной из главных достопримечательностей Беларуси (стихотворение «Беловежской пуше» Л. Лукши) [2, с. 101]; упоминание места рождения художника с мировым именем: *и юный Марк Шагал / по Витебску идет* («Взлетит вороний грай...» Д. Симановича) [2, с. 143]; ма-

кароническое вкрапление белорусизмов в ткань произведения для подчеркивания причастности автора к «магчынай мове»: 1) *Гигантов столичных милее мне хаты...* («Беловежской пуше» Л. Лукши) [2, с. 101]; 2) *Возможно, на «Дзяды» сюда придут...* («Гораздо больше близких там, чем здесь...» А. Сарапкина) [2, с. 141]; 3) *Есть у каждого Черная речка! / Есть родимая стежка – / одна среди тысяч дорог* («Столько нищих прошло...» А. Аврутина) [2, с. 7]. В данном примере гидроним *Черная речка* метафоризируется и обозначает не место, где был смертельно ранен А. Пушкин, а место (или время) смерти, которое у каждого свое. *Стежка* (а не тропинка) наделена эмоционально-оценочным эпитетом *родимая*, который в русском языке является разговорным; 4) *Пусть он еще исколесит полмира, / Заморские увидит города, / Жалейки голос, / Тоненький и милый, / В его ушах не смолкнет никогда* («О русская земля...» В. Тростянского) [2, с. 167]. Слово *жалейка* имеется и в русском языке, но в данном тексте, на наш взгляд, оно, будучи повторенным дважды, помогает выявить авторскую аллюзию: в Петербурге был издан первый сборник стихов Я. Купалы «Жалейка» (который сразу же запретили), и этот народный музыкальный инструмент стал своеобразным символом белорусской поэзии начала XX века; 5) *На Таганке я слышу, / как ставни скрипят, / Как родные шипшины летят по Москве* («Белоруска в Москве» Т. Дашкевич) [2, с. 52]. *Шипшина* (шиповник) – по написанию слово в тексте подчиняется русской орфографии, однако является отсылкой к стихотворению «О Беларусь, мая шыпшына...» В. Дубовки, которое белорусами считается поэтическим гимном родной стране; 6) намек на такие традиционно выделяемые качества белорусского национального характера, как гостеприимство и толерантность: *Беларуси дар – теплом прыветить, / К людям обрая и жэст, и взгляд, / Умоляю отозваться в детях / «Калі ласка!» их учу ответить / на «спасибо», «дзякуй» и «рахмат»* («Вместо биографии» А. Черной) [2, с. 177]. Русские антропонимы в качестве ценностного ориентира обладают наибольшей культурной значимостью в сознании русскоязычных белорусских поэтов, так как можно отметить повышенную частоту их использования, разнообразие форм представления в тексте, употребление в сильных позициях поэтического текста, взаимодействие с иными средствами художественной образности. Преобладание русского вертикального контекста является средством, обеспечивающим связность текстов в единый интертекст, своеобразным «пропуском» произведений русскоязычных авторов Беларуси в русскую культуру.

Выявляя этнокультурную специфику восприятия образов культуры, мы можем частично описать национальный образ мира в текстах русскоязычных писателей Беларуси.

Літэратура

1. *Лавшук, О. А.* Моделирование культурного пространства в поэзии К. Михеева / У ракурсе сучаснага асэнсавання : міжкаф. зб. навук. прац: Філалогія. Вып. 5 ; пад рэд. А. А. Лаўшук // О. А. Лавшук. – Магілёў : УА “МДУ імя А. А. Куляшова”, 2011. – С. 32–37.
2. Современная русская поэзия Беларуси. Антология / сост. А. Ю. Аврутин. – Минск : УП «Технопринт», 2003. – 200 с.

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова